

ФИЛОСОФ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ М. МАМАРДАШВИЛИ «БЕСЕДЫ О МЫШЛЕНИИ»)

© 2020 М.М. Халиков

*Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики.
E-mail: magomed_samara@mail.ru*

Самарский государственный университет путей сообщения.
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 04.12.2019

В статье предпринята попытка описания ряда феноменологически-релевантных характеристик языковой личности выдающегося философа XX века М.К. Мамардашвили. Выбранная в качестве объекта исследования книга представляет собой произведение синтетического плана, в котором одновременно актуализованы научно-рациональная и художественно-эстетическая коммуникативные интенции, взаимодействием которых создается особая стилистическая и прагматическая фактура текста. Автор предстает перед читателем как блистательный мастер научного нарратива и художественного слова. В качестве лингвистических характеристик, индивидуализирующих языковую личность автора и в значительной мере определяющих эвристический и прагматический потенциал произведения, в статье выделяются: полифонизм речевых ресурсов, когнитивно-номинативная неология, триадические конструкции, сенсорная актуализация слова. Указанные свойства текста формируют структурно-инструментальную базу для реализации одной из центральных задач книги – раскрытия образно-символических основ мышления, а в более широком (метатекстовом) плане они иллюстрируют краеугольный для мировоззренческой системы автора постулат о креативной природе истинной мысли. Делается вывод о взаимостимулирующем характере предметно-содержательной новизны текста и заложенной в нем интенции к обновлению средств языкового выражения.

Ключевые слова: Мамардашвили, идиостиль, литературно-повествовательные качества философского текста, полифонизм речевых средств, неология, триадические конструкции, сенсорика слова.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-71-79-86

Введение. Каждый крупный ученый является одновременно и самобытной языковой личностью. Мераб Константинович Мамардашвили предстает перед нами, в первую очередь, как выдающийся философ XX века, как талантливый аналитик и мыслитель с поразительно чутким восприятием проблем бытия и сознания, гуманистического мировоззрения и социальной ответственности, созидательной миссии человека и этики научно-познавательной деятельности. Нас поражает его энциклопедический ум, который с равной степенью легкости оперирует данными глобального научного дискурса – от математики и физики до искусствоведения и лингвистики. Мамардашвили проявил себя и как блистательный конструктор научного дискурса, как ученый-повествователь, виртуозно владеющий искусством академического убеждения. Замечательной особенностью нарративной системы Мамардашвили можно считать его заинтересованное отношение к читателю / слушателю, страсть быть услышанным и понятым, смысловую открытость и диалогизм его текстов. Эта целевая установка непосредствен-

ным образом отражается в речевой структуре и системной идиостилевой специфике его сочинений, в идеологии и технике научной риторики, в характере и полноте использования семантико-прагматических ресурсов слова. В основе каждого идиостиля лежит та или иная авторская философия языка, опыт индивидуальной рефлексии над его природой, когнитивной и коммуникативной функциональностью. На наш взгляд, индивидуальную специфику исследовательского дискурса Мамардашвили, представленного анализируемым здесь произведением, образует триединство высоконаучного содержания, словесного искусства и устно-диалогической тональности. Целью данной публикации является попытка раскрытия наиболее значимых параметров языковой личности философа на примере одного из его произведений.

Теоретико-методологические предпосылки. В заявленной теме смыкаются две значимые исследовательские линии современной лингвистики: проблема языковой личности и проблема коммуникативной интеграции дискурсов. Первая из них была актуализована в 80-

годы прошлого века Ю.Н. Карауловым [1] – как отражение того очевидного факта, что индивидуальное производство текстов (говорение) является единственной эмпирической данностью языка и поэтому говорящий (субъект / агент дискурса) должен быть включен в проблемное поле лингвистики. Сегодня концепт языковой личности – один из центральных в лингвистике; библиография этой проблематики обширна, см. обзор и анализ в работе [2]. Показательно и разнообразие предложений по терминологической фиксации этого феномена: в одной только обзорно-дискуссионной работе актуализованы синонимически-параллельные номинации *языковая, речевая, кооперативная, логосическая, логосически-эйдетическая, семиотическая, социолингвистическая личность*, а для характеристики неканонической (креативной) стороны речевой деятельности говорящего используются выражения *неравновесная / бифуркационная (языковая) личность* [3, с. 7 – 8]. Корпус исследований по указанной проблематике предлагается выделить в особую отрасль лингвистики – под разными названиями: лингвистическая персонология [4], микролингвистика [5, с. 289] и т.д. Практика фокусированных на языковой личности исследований обогатила предметно-проблемный мир лингвистики; в центре внимания языковедов оказались вопросы структурирования и дискурсивно-языковой организации индивидуальных речевых партий [6], интегральной индивидуально-речевой симптоматики [7], феноменологии субъекта дискурса [8]. Значимый результат новейших исследований в этой области – выявление полиструктурности языковой личности, установление возможности ее моделирования как функции комбинирования ряда аспектов: когнитивного, социально-ролевого, психологического, нарративного. Для проблемной области лингвистики релевантен нарративный аспект субъекта речи; предлагается объединить всю совокупность исследований, связанных с осуществлением этой функции, в рамках особой субнаучной парадигмы – лингвистики нарратива [9, с. 41].

Языковая личность часто актуализует себя в модусе взаимодействия дискурсов, т.е. путем синкретичного использования ресурсов языка, относящихся к разным функциональным сферам его бытования. (Вообще феномен транспозиции, трансграничности, смешения явлений из разных категориально-таксономических областей весьма распространен в системе языка-речи.) В семиотическом пространстве взаимодействия функциональных типов речи (интерференции дискурсов) формируются особые экспрессивные качества текста, не отмеченные при отдельной их актуализации, возникают

коммуникативно-прагматические эффекты, субстанциональную основу которых составляют актуализуемые в зоне интерференции «связи между репрезентируемыми дискурсами на формальном, семантическом, когнитивном, ситуационном и экстраситуационном уровнях» [10, с. 7]. Прагматика таких текстов имеет сложную структуру: в них реализуются сильные стороны каждого типа дискурса и возникает новая линия интенсивности/экспрессии – на основе интеграционных процессов. В иерархии коммуникативной релевантности такие тексты позиционированы как сильные знаковые структуры, как коммуникативные события повышенной суггестивности и резонансности – при условии, что они созданы талантливым мастером, тонко чувствующим субстанцию слова. К числу таких текстов можно отнести книгу Мамардашвили – произведение, воплощающее в себе талант когнитивной и языковой личности автора.

Есть еще один аспект рецепции данного текста; он связан с динамически-напряженным контекстом времени его возникновения (1986-1987) – времени, налитанного ренессансными движениями в обществе, устремленностью к обновлению окостеневшей советской идеологии, интенциями глубинного преобразования уклада жизни. В книге явственно отобразилась событийная неординарность эпохи, отмеченной драматизмом и турбулентностью социальных процессов, идеологическими противостояниями и конфликтами социально-групповых интересов, брожением умов и отчаянными поисками новых мировоззренческих основ. Книгу можно коротко охарактеризовать как призыв к людям – мыслить правильно, ответственно и своевременно. Метатекстовым способом стимулирования мысли стала бросающаяся в глаза провокативность произведения, неканоничность содержательного и языкового его воплощения. Как известно, провокация бывает и позитивно-конструктивного характера, бывает она и в сфере научно-познавательной рефлексии; ср.: «Философская провокация возникает там, где есть необходимость стронуть общество с места, дать ему импульс к саморазвитию и возрождению» [11, с. 147].

Анализ. Феноменологически-релевантные лингвистилистические характеристики исследуемого текста позволяют раскрыть своеобразие языковой личности философа как творца науки и конструктора нарративного дискурса. Разумеется, в данном случае можно говорить только о наиболее типических и репрезентативных качествах текста; кроме того, следует иметь в виду, что не только тот или иной набор приемов структурирования текста служит средством индивидуализации творческой личности автора,

но и характер материально-языкового воплощения этих приемов, неповторимая идиостилевая конкретика авторского языкового материала. Именно такое понимание перспектив решения поставленной в статье задачи лежит в основе представленного ниже анализа, в ходе которого были выделены основные стилеобразующие характеристики исследуемого научного произведения.

Полифонизм речевых ресурсов. Книга «Беседы о мышлении» [12] внушительна по объему (480 страниц) и представляет собой курс лекций, прочитанных автором в Тбилиском государственном университете. Устно-диалогическим модусом коммуникации обусловлены такие макроструктурные лингвостилистические характеристики этого текста, как жанровый синтетизм и регистровое разнообразие средств языкового выражения. В книге освещаются вопросы чрезвычайной научной значимости и сложности, большинство из них по-разному трактуются исследователями, многие – впервые вводятся автором в открытый философский дискурс. Этим обстоятельством создается проблема рецепции устного текста, его способности индуцировать когнитивные процессы в слушателях. Автор решает эту задачу путем интегрирования в едином текстовом пространстве коммуникативных стратегий научного (фокусированного на рациональности) и художественно-эстетического (фокусированного на зрелищности и экспрессии) дискурса. При системно-таксономическом описании языка указанные дискурсивные стратегии предстают соответственно как воплощение двух разных коммуникативных функций – сообщения и воздействия; но в речевой практике они часто реализуются в функциональном единстве, образуя семиотически осложненный тип текста. Взаимодействие и взаимопроникновение научного и художественного стилей – явление настолько распространенное, что его можно считать «общетипологическим свойством человеческой речи» [13, с. 3]. Стратегия беллетризации научного дискурса, практика включения в его канву элементов зрелищности, «социального театра» известна давно (вспомним: в английских университетах лекционную аудиторию называют *Lecture theatre*). В исследуемом произведении доминирующим является научный стиль, в его структуру свободно вплетается эстетика и прагматика художественной речи. Можно выделить два аспекта беллетризации – интертекстуальность и свободное авторское словесное творчество. В книге много цитат из художественно-литературных текстов – Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Баратынского, Ходасевича, Данте, Гете, Пруста, Рильке, Оруэлла. Они иллюстрируют авторские мысли или же служат отправной точкой новой линии

философской рефлексии. Это особая тема исследования; в данном случае нас интересует своеобразие языка самого философа, воплощенное в идиостилевых качествах текста, позволяющих относить его к образцовым произведениям словесного искусства.

В книге массивно употребляется общекнижная и философская терминология. Соответственно, требованиям научного стиля отвечает и синтаксическое речевое построение текста, раскрывающего концептуально-значимую информацию по исследуемой проблематике. Соблюдаются принципы макроструктурной организации и риторической инструментовки научного дискурса.

Вместе с тем, бросается в глаза, что автор не ограничивает себя средствами прецизионного научного стиля, он широко пользуется ресурсами и приемами организации речи, транспонированными из других сфер функционирования языка. Например, колоритную специфику книги составляют регулярно появляющиеся в ней прагматико-стилистические комплексы, образуемые разговорно-окрашенными словами и фразеологизмами, синтаксическими конструкциями, риторическими фигурами и шифтерами модальности. Они играют вспомогательную роль по отношению к языковым ресурсам первого типа, модифицируют лингвостилистическую структуру и темповую динамику концептуального нарратива. Стратегия применения иностилевых (для научного дискурса) ресурсов адаптирована к системе организации художественного текста, типологически релевантной характеристикой которого является, как известно, установка на метасемиотическую и эстетическую экспрессию.

В книге можно встретить оценочно-коннотированную лексику, характерную для обиходно-бытовой (*трус, шкурник, тупой, сухарь, приспичить*) или профессионально-жаргонной (*моралистика, гуманистика, психологистика, пробабилистика, законничество*) коммуникации. (Полужирный шрифт и нумерация фрагментов высказывания в иллюстративном материале – от автора статьи.) Ярко-индивидуализирующе окрашивают текст высокохудожественные тропеические номинации с нетривиальной образностью: *мускулатура мысли; на вершине волны усилия; куски непережеванного опыта; каждая страсть считает себя законной*.

Автор использует и другие приемы литературно-художественной экспрессии, например – оксюморон (*воскрешение и бессмертие в жизни, видение несуществующих, ученое незнание, вообразить существующее, трагический аристократизм, удавка человечности*).

Когнитивно-номинативная неология. Производство и экспликация научно-инновационного

содержания синхронизированы с процессами формирования инновационной когнитивно-инструментальной базы и соответствующей системы средств языкового выражения. Можно предположить, что эта закономерность является проявлением фундаментального лингвистического принципа иконизма, важнейшей характеристики языка как универсальной семиотической системы: новизна содержания требует для своего осуществления новизны плана выражения; оригинальность мысли подчеркивается нетривиальностью языковой формы. Автор значимых научных теорий в той или иной степени выступает и как новатор языка; в первую очередь, это справедливо в отношении комплекса логоцентрических (гуманитарных) наук.

Новизна и оригинальность языка научного изложения выражается, прежде всего, в стратегии и практике формирования индивидуально-авторского научно-нарративного тезауруса – системы средств номинации всех интегрируемых в данном исследовательском дискурсе феноменов: объектов, инструментария, концептов. Этот тезаурус – продукт лингвистически-уникальный. В его номенклатурной структуре выделяются две части: традиционно-узальная для данной сферы науки и оригинально-авторская, инновационная. Первая часть, ввиду тривиальности, не представляет интереса для данного исследования. Что касается второй части, то ее своеобразие можно отслеживать в аспекте парадигматическом и аспекте синтагматическом. Авторская парадигма инновационных номинаций формируется из терминов и терминологических оборотов, специально разработанных автором для данного исследования. Прежде всего, это моноконцептные номинации, например: *всесообщение, сообщенность, всесвязность, запримродное, амплификатор, несуществование*.

Вообще словообразовательная активность является характерной чертой научного стиля Мамардашвили. Он существенным образом персонализирует текстовое пространство, вплетая в повествование оригинальные неологизмы, нередко образуемые по «серийному» принципу с использованием креативных ресурсов языка: *псевдвопросы, псевдопроблемы, псевдомысли; получувства, полумысли; немышление, невзрослость, нерожденность; первосоединения, первосложности, первомысль*.

Тексты Мамардашвили могут послужить хорошей иллюстрацией к тезису об активной смыслогенерирующей функции языковой формы в процессах коммуникации; роль вербальной субстанции (словесного состава текста) нельзя ограничивать инструментально-технической задачей объективации когнитивного содержания, уже подготовленного сознанием/

мышлением для презентации внешнему миру. Внешняя форма слова участвует в процессах генерирования семантики текста, направляя мысль, как берега направляют течение воды; нередко когнитивно-смысловая структура текста (научного, художественного, обыденно-речевого) возникает как воплощение словообразовательных потенций языка. В следующем примере структура и содержание философских рассуждений построены на реализации семантического и валентностно-комбинаторного потенциала словообразовательного префикса пред-: Есть некая... *предуколенность* сознания в мире... Все события... имеют перед собой некоторую *предразличенность* и *предрасположенность* в смысле расположения, даваемого сознанием, или некоторое *предпонимание*.

Инновационные содержательно-понятийные аспекты научного повествования находят воплощение в сложносоставных терминах-неологизмах. Довольно часто автор эксплицитно представляет контекстно-семантический механизм их появления: Мы можем бесконечно описывать тень и никогда не прийти ни к какой реальности. Это проблема, которую можно назвать *проблемой бесконечности описания*.

Другие примеры комбинационных терминов-окказионализмов *продуктивное трансцендентальное воображение, неорганические перцепции, аккомодированная мысль, рефлексивная объективация*.

Идиостилевой спецификой данного произведения можно считать регулярность появления комбинационных наречий-неологизмов вроде *многоиндивидуно, каждоактно*, в том числе – в виде серийных образований *воленаравленно, волепроизвольно, волерассудочно*.

Книга дает много примеров нестандартных авторских решений в сфере линейно-синтагматической организации текста. Идиостилистически маркированной можно считать в данном произведении модель бинарной атрибутивной именной конструкции с резко контрастирующими по категориальной семантике компонентами. Одним из вариантов этой модели является словосочетание, в котором некоторому феномену приписывается онтологически несвойственное ему качество: *континент движения, протяженность сознания*. Прагматика таких композиций построена на эффекте нарушения норм логической совместимости: континент предполагает стационарное пребывание в одной точке универсума; сознание – это идеальная сущность, а не физический объект, который обладает свойством размерности.

Путем контрастной актуализации признаков *конкретное / абстрактное* в составе бинарной именной конструкции образованы *лоно*

понимания, складка времени, стояние сознания. Еще один вариант указанной модели – это неологическая атрибутивная группа, в которой проявления исключительной высокодуховной сущности человека связываются с рутинной обыденной жизни: *герои мысли, гений повторений*.

Триаδικические конструкции. Лингвостилистическое своеобразие исследуемого произведения Мамардашвили проявляется и в частотности применения принципа триадности в ходе научного повествования. Этот нарративно-риторический прием состоит в том, что концепт ТРИ с определенной регулярностью используется как интенциональная модель структурной организации плана содержания и плана выражения текста. Такая практика текстопостроения довольно часто встречается в различных типах дискурса, она базируется на мировоззренческой пресуппозиции, согласно которой принцип триадности играет одну из ключевых ролей в универсальной онтологии мира и существенным образом влияет на процессы формирования картины мира человека и структурирования им мыслительной и практической деятельности. В сознании человека и системе оценочной семантики языка число 3 выступает в сугубо позитивном ассоциативно-коннотативном образе, как феномен, усиливающий коммуникативно-прагматический потенциал текста. Спектр конкретных коммуникативных задач, решаемых посредством этого приема, довольно разнообразен. Важнейшие из них связаны с реализацией интенции фокусирования внимания на особо значимых, по мнению автора, содержательных элементах текста, намерением придать семантический динамизм повествованию и стратегией интенсификации риторико-прагматических качеств текста.

М.К. Мамардашвили в полной мере использует стилистико-выразительный потенциал приема триадной композиции. Как уже отмечалось, это один из самых статистически-релевантных элементов текстовой структуры данного произведения. Редкая страница обходится без него. О предпочтительном восприятии философом триадной композиции как значимого текстотехнического приема свидетельствует двукратное появление этой фигуры речи в пределах одного предложения; например: И эта нежность в своем порыве со стороны жены (*вполне невинная, искренняя и человеческая*) могла только создать материал для *развития последующей ненависти, разрушения любви и возникновения безразличия*.

Специфичным для автора является комбинированное, по преимуществу, употребление этого средства во взаимодействии с другими риторико-стилистическими приемами актуализации и усиления действенности вербального сообщения. Рассмотрим наиболее показательные случаи.

В трехкомпонентной номинативной композиции могут актуализоваться синонимические связи слов (узуальные, контекстуальные, коннотативно-экспрессивные), синонимически повторяющиеся смысловые элементы способствуют интенсификации процесса представления и восприятия номинируемой сущности: Это есть истинная, чистая, бескорыстная любовь.

Другая возможность синкретичного употребления триадной модели заключается в формировании указанной лексической группы по принципу единоначатия: *...побуждение чести, порыв чести, или потуга чести*, отличается от чести.

Наряду с ритмико-риторическим прагматическим эффектом в таких построениях возникает и особая семантическая спаянность слов, выделенных по признаку общности элементов материальной формы; ср.: «слова, связанные рифмой или звуковыми повторами, оказываются тем самым родственными и по смыслу» [14, с. 238].

В основе триадных структур встречается модель синтаксического параллелизма: Ощущение приятности от предмета *предшествует поступку, связывается с поступком и вызывает поступок*.

Конструктивно-прагматическая роль триадных композиций усиливается их употреблением в составе фигуры каскадного повтора, когда одна и та же трехэлементная концептно-семантическая модель многократно воспроизводится в пределах небольшого фрагмента текста, в некоторых случаях – с синонимическим варьированием лексического состава. В следующем примере извлечены повторяющиеся на одной странице книги трехэлементные перечислительные группы: Создав ту или иную поэзию, поэт сделал возможной эту поэзию и связанный с ней соответствующий мир *мыслей, чувств, переживаний (1)...* не было этих *чувств, мыслей и переживаний (2)...* переживаемые *чувства, мысли и представления (3)...* новые *чувства, ощущения, переживания (4)...* наши *мысли, представления, переживания (5)*.

При чтении книги бросается в глаза, что автор стремится нейтрализовать эффект монотонности, который может возникнуть у читателя от частотности употребления приема триадной номинации. Средством разрушения этого вероятностного эффекта является варьирование способов формально-структурного воплощения триадных композиций. Замечательным образцом решения этой задачи можно считать прием синтаксического развертывания триадной фигуры по принципу градации: Здесь происходит то, что как бы происходило в одном из снов Декарта, по академической легенде – *сухого рационалиста (1), основателя механистического естествознания Нового времени (2), человека, который, как выразился Маркс (или Энгельс – я не*

помню, кто именно из них), столь красиво испарил из мира краски, обаяние чувственного мира (3).

Нарастание количественного лексического состава и размерности элементов триады создает одновременно эффект гармонии и эксцентрики, усиливает стилистико-риторические качества текстового фрагмента.

Установка на эксцентричное варьирование формально-строевого рисунка триады может быть реализована и в виде окказиональных композитных номинативных групп: ... *управдомовско-советско-лозунговый, улично-квартирно-коммунальный язык...*

Репрезентация двух речевых стихий советского дискурса (коммуникативного официоза и обиходной речи) в виде эксцентричных номинативных конструкций является приемом сатирического дистанцирования от указанных реалий.

Сенсорная актуализация слова. Одна из структурообразующих интенций исследуемого текста, непосредственным образом вытекающая из его двуплановой стилистической специфики, – это установка на экспрессивное разнообразие средств языкового выражения, на усиление (интенсификацию) их знаково-коммуникативной сущности. Интенсивность речевого сигнала достигается, в частности, путем усиления его сенсорной природы, связанной с материально-вещественным аспектом восприятия. Подобная интенсификация вербального сигнала может происходить путем мультиплицирования его плана выражения. Например, рассуждая о времени как пространстве протекания событий и реализации психоэмоциональной деятельности человека, философ отмечает содержательную уплотненность времени и эксплицирует этот тезис, многократно варьируя способы вербализации вводимого им концепта при помощи синонимов и референтно-соотносительных лексических единиц: ...мы можем говорить в терминах *интенсивного* времени, времени *связного, синтетического* времени, или *структурного* времени, или времени *компрессии*, или *скомпрессированного* времени.

Еще один способ усиления сенсорного потенциала субстанции языка состоит в актуализации аутентичного плана выражения включаемой в структуру текста иноязычной лексической единицы или вербальной конструкции. В книге много раз воспроизводятся и органично вплетаются в движение мысли английские, немецкие, французские, латинские, грузинские слова и выражения – в том графическом виде, как они употребляются в соответствующих языках. Как правило, такое употребление обусловлено фактором лакунарности, отсутствием полного тождества между лексико-стилистическими системами языков. Так, в контексте размышлений

о проблеме «самотождества» человеческой личности философ оперирует термином *identity* – с оговоркой, что слово *тождество* не в полной мере раскрывает знаково-смысловое поле его лексикографического коррелята в переводном словаре. Иноязычная вставка вызывает образные культурологические ассоциации, приглашает читателя в миры неосвоенных смыслов.

Целям интенсификации сенсорной составляющей текста и связанных с ней экспрессивно-прагматических эффектов служит прием этимологизации слова путем транспонирования из сферы абстрактной семантики в сферу конкретно-наглядной семантики. Например, в тексте предлагается осмыслить слово (концепт) *необходимость* сначала в дефисном написании *не-обходимость*, а затем – как производное от глагольной формы «*не обойти*». Акцент восприятия термина переносится с понятийного компонента на образный.

Усиление сенсорного аспекта восприятия языкового знака может происходить и с использованием ресурсов параграфематики: Есть *честь*, и есть *честь*, ... как отличить вопрос от вопроса – это непонятно.

Различное графическое оформление слов отражает различия в их звуковом исполнении, а вместе они служат способом дифференциации различных аспектов семантики повторяющихся лексических единиц: ситуативно-референтного и сигнификативно-фокусированного.

Заключение. Анализируемое философское произведение можно рассматривать одновременно и как образец высокого словесного искусства, отмеченный яркой самобытностью и многогранностью авторской языковой личности. Мир языка Мамардашвили характеризуется смысловым динамизмом и экспрессией слова, непрекращающейся рефлексией над точностью и полнотой вербального самовыражения, интенцией к установлению и поддержанию диалогического контакта с адресатом, которого он неизменно воспринимает в образе критически-рефлексирующего собеседника. В совокупности эти идиостилевые характеристики делают авторский философский дискурс лингвистически колоритным, сбалансированным в отношении предметно-научной и прагматической актуализации, придает ему то релевантное для успешно состоявшегося научного повествования качество, которое было удачно названо в лингвистической литературе «синтезом когниции и коммуникации» [15, с. 152],

Вероятно, можно говорить о комплексном, взаимодополнительном и взаимообусловленном характере отношений между инновационной содержательностью философского сочинения и интенцией к обновлению

языка концептуального самовыражения автора. Такие тексты иллюстрируют общеэпистемологический тезис о диалектической связи между формой и содержанием, о синкретичности и синхронизированности порождающих их стратегий. Во всяком случае, сказанное справедливо в отношении анализируемого сочинения, замечательной особенностью кото-

рого можно считать рельефно скрепляющую его установку автора на акцентирование научно-содержательной новизны повествования на основе собственной идеологии и стратегии поиска слова. Философ утверждает и укореняет свою познавательную и нарративную творческую индивидуальность и через своеобразие использования языка.

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 264 с.
1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
1. Сорокин, Ю. А. Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. - М.: Азбуковник, 2003. - С. 7 – 23.
1. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. трудов Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. - М., 1996. - С. 112 – 116.
1. Хроленко, А. Т., Бондалетов, В. Д. Теория языка: учеб. пособ. - М.: Флинта: Наука, 2004. - 512 с.
1. Риторика монолога / Под ред. А. И. Варшавской. - СПб.: Химера трейд, 2002. - 240 с.
1. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 240 с.
1. Данилова, Н. К. «Знаки субъекта» в дискурсе. - Самара, «Самарский университет», 2001. - 228 с.
1. Падучева, Е. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. СЛЯ. - 1995. - Т. 54. - № 3. - С. 39 – 48.
1. Шевченко, В. Д. Теория интерференции дискурсов. – Самара: «Самарский университет», 2010. - 212 с.
1. Дмитриев, А. В., Сычев, А. А. Провокация: социофилософские очерки. - М.: ЦСПиМ, 2017. - 336 с.
1. Мамардашвили, М. К. Беседы о мышлении. - СПб.: Азбука, Азбука-Антикус, 2019. - 480 с.
1. Чаковская, М. С. Взаимодействие стилей научной и художественной литературы. - М.: Высшая школа, 1990. - 160 с.
1. Панов, М. В. Современный русский язык: Фонетика. - М., Высшая школа, 1979. - 256 с.
1. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. - М.: РГГУ, 1995. - С. 144 – 238.

PHILOSOPHER AS A LINGUISTIC PERSONA (CASE STUDY OF M. MAMARDASHVILI'S BOOK "REASONING ON THOUGHT")

© 2020 M.M. Khalikov

*Magomed M. Khalikov, Doctor of Philological Sc., Professor, Head of Department of Linguistics.
E-mail: magomed_samara@mail.ru*

Samara State University of Transport.
Samara, Russia

The author of the article attempts to describe the set of phenomenologically relevant characteristics of the outstanding philosopher linguistic persona of the 20th century M.K. Mamardashvili. The book chosen as the object of the study is a literary work of synthetic character where both scientific-rational and artistic-aesthetic intents have been simultaneously actualized; the interaction of them creates especial stylistic and pragmatic texture of the text. The author appears before the reader as a brilliant master of scientific narrative and artistic word. As the characteristic linguistic properties that individualize the language personality of the author largely determine the heuristic and pragmatic potential of the work, the author of the article stands out: the polyphonism of speech resources, cognitive-noministic neology, triadive constructions, sensory actualization of the word. These text attributes create the infrastructure and instrumental basis to achieve the main objective of the work – revealing the figurative-symbolic basis of thought and at large (in metatextual terms) they illustrate the author's belief system basic premise about the creative nature of true thought. It is concluded that the text and its imbedded intents to renew linguistic means have cross-stimulating character of the text substantive novelty/originality.
Keywords: Mamardashvili, individual style, literary-narrative qualities of philosophical text, polyphonism of speech resources, neology, triadive constructions, sensory actualization of the word.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-71-79-86

1. Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' (Russian language and linguistic persona). - М.: Nauka, 1987. - 264 s.
2. Karasik, V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs (Language circle: persona, concepts, discourse). - М.: Gnozis, 2004. - 390 s.

3. Sorokin, Yu. A. Chelovek govoryashhij v ego modusax i otnosheniyax (obzor-diskussiya) (Speaking person in their modi and relations). *Massovaya kul'tura na rubezhe XX – XXI vekov: Chelovek i ego diskurs*. - M.: Azbukovnik, 2003. - S. 7 – 23.
4. Neroznak, V.P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa discipliny` (Linguistic personology: Towards definition of discipline status). *Sb. nauch. trudov Mosk. gos. lingv. un-ta. Vy`p. № 426. Yazy`k. Poe`tika. Perevod*. - M., 1996. - S. 112 – 116.
5. Xrolenko, A.T., Bondaletov V.D. Teoriya yazy`ka (Theory of Language): ucheb. posob. - M.: Flinta: Nauka, 2004. - 512 s.
6. Ritorika monologa (Rhetoric of monolog) / Pod red. A.I. Varshavskoj. - SPb.: Ximera trejd, 2002. - 240 s.
7. Naumov, V.V. Lingvisticheskaya identifikaciya lichnosti (Linguistic identification of person). Izd. 2-e, stereotipnoe. - M.: KomKniga, 2007. - 240 s.
8. Danilova, N. K. «Znaki sub`ekta» v diskurse (“Signs od Subject” in Discourse). Samara: «Samarskij universitet», 2001. - 228 s.
9. Paducheva, E. V. V.V. Vinogradov i nauka o yazy`ke xudozhestvennoj prozy` (V.V. Vinogradov and the studies of belles-lettres language). *Izvestiya RAN. SLYa*. - 1995. - T. 54. - № 3. - S. 39 – 48.
10. Shevchenko, V. D. Teoriya interferencii diskursov (Theory of Discourse Interference). – Samara: «Samarskij universitet», 2010. - 212 s.
11. Dmitriev, A. V., Sy`chev A.A. Provokaciya: sociofilosofskie ocherki (Provocation: Socio-philosophical Essays). - M.: CzSPiM, 2017. - 336 s.
12. Mamardashvili, M. K. Besedy` o my`shlenii (Reasoning on Thought). - SPb.: Azbuka, Azbuka-Antikus, 2019. - 480 s.
13. Chakovskaya, M. S. Vzaimodejstvie stilej nauchnoj i xudozhestvennoj literatury` (Interaction of scientific and belles-lettres styles). - M.: Vy`sshaya shkola, 1990. - 160 s.
14. Panov, M. V. Sovremenny`j russkij yazy`k: Fonetika (Modern Russian Language: Phonetics). - M., Vy`sshaya shkola, 1979. - 256 s.
15. Kubryakova, E. S. E`voljuciya lingvisticheskix idej vo vtoroj polovine XX veka (opy`t paradigmal`nogo analiza) (Evolution of linguistic ideas in the second half of 20th century: an approach to paradigm Analyses). *Yazy`k i nauka koncza XX veka*. - M.: RGGU, 1995. - S. 144 – 238.